

Қазақстан Республикасы
Ғылым және жоғары білім министрлігі

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты

ОТАН ТАРИХЫ

2026. Т. 29 (2)

ISSN 1814-6961
E-ISSN 2788-9718

- ТАРИХ
- ЭТНОЛОГИЯ
- АРХЕОЛОГИЯ

ОТАН ТАРИХЫ

2026. Т. 29 (2)

ISSN: 1814-6961 (print)
ISSN: 2788-9718 (online)

Отан тарихы
Отечественная история
History of the Homeland

Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2026. Т. 29 (2)

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhly
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 2. Pp. 429–446
Journal homepage:
<https://otan.history.iie.kz>

FTAXP/MPHTI/IRST 03.20.91

https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_2_429-446

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА ПАВЛОДАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В 1930–1940-Е ГОДЫ

Сауле Насеновна Мамытова

Astana IT University

(пр. Мангилик Ел, 55/11, 010000, Астана, Республика Казахстан)

Доктор исторических наук, ассоциированный профессор

<https://orcid.org/0000-0001-9342-6171> E-mail: saule.mamytova@astanait.edu.kz

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026

© Мамытова С.Н., 2026

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается процесс формирования социокультурного облика Павлодарского Прииртышья в 1930–1940-е годы под воздействием модернизационных и кризисных процессов советского периода. Особое внимание уделено трансформации социальной структуры, повседневных практик и культурной среды региона в условиях коллективизации, индустриализации, массового голода, репрессий, военной мобилизации и послевоенного восстановления. Исследование раскрывает особенности взаимодействия социально-экономических, демографических и идеологических факторов, оказавших влияние на развитие региона. *Цель и задачи.* Цель исследования – проанализировать механизмы формирования социокультурного облика Павлодарского Прииртышья в 1930–1940-е годы в контексте модернизационных и кризисных процессов советской эпохи. Задачи исследования: выявление влияния коллективизации, голода и репрессий на трансформацию традиционного хозяйственного уклада и социальной структуры; анализ последствий индустриализации и культурной революции для формирования новой социальной и культурной модели; изучение роли эвакуации, депортаций и военно-мобилизационных процессов в изменении этнического и социального состава населения; оценка особенностей послевоенного восстановления и институционализации новых культурных практик. *Материалы и методы.* Исследование основано на анализе архивных документов центральных и региональных архивов, статистических материалов, данных периодической печати и других источников. В работе использованы методы исторического анализа, сравнительно-исторический метод, анализ социально-демографических процессов, а также подходы, направленные на изучение повседневности и социокультурных трансформаций. *Результаты.* В статье показано, что кризисные процессы 1930-х годов привели к разрушению традиционного хозяйственного уклада, деформации социальной структуры и изменению механизмов социальной адаптации населения. Модернизационные преобразования, реализованные в рамках индустриализации и культурной революции, способствовали формированию новой модели социальной организации, основанной на централизованном управлении, развитии промышленности и распространении советской идеологии. Установлено, что эвакуация населения и предприятий, депортации народов и развитие тыловой промышленности в годы войны обусловили формирование многоэтнической среды и усложнение

социальной структуры региона. Послевоенное восстановление сопровождалось закреплением индустриальной модели развития, сохранением мобилизационных принципов управления и дальнейшей институционализацией новых культурных практик. *Заключение.* Исследование показывает, что социокультурный облик Павлодарского Прииртышья сформировался в результате сложного взаимодействия модернизационных и кризисных факторов советской эпохи. Трансформация региона сопровождалась разрушением традиционных социальных структур, формированием новой индустриально ориентированной модели общества и закреплением советских культурно-идеологических практик при сохранении отдельных элементов прежней культурной среды.

Ключевые слова: социокультурная трансформация, Павлодарское Прииртышье, советская модернизация, военно-мобилизационный период, депортации, послевоенное восстановление.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта «Междисциплинарное исследование региональных аспектов истории Казахстана (на основе новых архивных материалов и фольклорных произведений)» при финансовой поддержке Комитета науки МНВО РК (регистрационный номер BR28512385).

Для цитирования: Мамытова С.Н. Формирование социокультурного облика Павлодарского Прииртышья в 1930–1940-е годы // Отан тарихы. 2026 Т. 29. № 2. С. 429–446. [на рус.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_2_429-446

1930–1940 ЖЫЛДАРДАҒЫ ПАВЛОДАР-ЕРТІС ӨНІРІНІҢ СОЦИОМӘДЕНИ БЕЙНЕСІНІҢ ҚАЛЫПТАСУЫ

Сәуле Насенқызы Мамытова

Astana IT University

(Мәңгілік ел даңғылы, 55/11, 010000 Астана, Қазақстан Республикасы)

Тарих ғылымдарының докторы, қауымдастырылған профессор

<https://orcid.org/0000-0001-9342-6171> E-mail: saule.mamytova@astanait.edu.kz

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026

© Мамытова С.Н., 2026

Аңдатпа. *Kіріспе.* Мақалада 1930–1940 жылдардағы Павлодар Ертіс аймағының әлеуметтік-мәдени имиджінің қалыптасу процесі кеңестік кезеңдегі жаңғырту және дағдарыстық процестердің әсерінен қарастырылады. Ұжымдастыру, индустрияландыру, жаппай ашаршылық, қуғын-сүргін, әскери жұмылдыру және соғыстан кейінгі қайта құру жағдайында аймақтың әлеуметтік құрылымының, күнделікті тәжірибесі мен мәдени ортасының трансформациясына ерекше назар аударылады. Зерттеу аймақтың дамуына әсер еткен әлеуметтік-экономикалық, демографиялық және идеологиялық факторлардың өзара әрекеттесу ерекшеліктерін ашады. *Мақсаты мен міндеттері.* Зерттеудің мақсаты – кеңестік дәуірдегі жаңғырту және дағдарыстық процестер аясында 1930–1940 жылдардағы Павлодар Ертіс аймағының әлеуметтік-мәдени имиджінің қалыптасу механизмдерін талдау. Зерттеудің мақсаттары: ұжымдастырудың, ашаршылықтың және қуғын-сүргіннің дәстүрлі экономикалық құрылым мен әлеуметтік құрылымның трансформациясына әсерін анықтау; жаңа әлеуметтік-мәдени модельді қалыптастыру үшін индустрияландыру мен мәдени революцияның салдарын талдау; халықтың этникалық және әлеуметтік құрамының өзгеруіндегі эвакуация, депортация және әскери жұмылдыру процестерінің рөлін зерттеу; соғыстан кейінгі қайта құрудың ерекшеліктерін бағалау және жаңа мәдени тәжірибелерді институционализациялау. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеу орталық және аймақтық мұрағаттардағы мұрағаттық құжаттарды, статистикалық материалдарды, мерзімді баспасөз деректерін және басқа да дереккөздерді талдауға негізделген. Жұмыста тарихи талдау әдістері, салыстырмалы тарихи әдіс, әлеуметтік-демографиялық процестерді талдау, сондай-ақ күнделікті өмір мен әлеуметтік-мәдени өзгерістерді зерттеуге бағытталған тәсілдер қолданылды. *Нәтижелер.* Мақалада 1930 жылдардағы дағдарыстық процестер дәстүрлі экономикалық құрылымның бұзылуына, әлеуметтік құрылымның деформациясына және халықтың әлеуметтік бейімделу механизмдерінің өзгеруіне әкелгені көрсетілген. Индустрияландыру және мәдени революция шеңберінде жүзеге асырылған жаңғырту трансформациялары

орталықтандырылған басқаруға, өнеркәсіптік дамуға және кеңестік идеологияны таратуға негізделген әлеуметтік ұйымның жаңа моделінің қалыптасуына ықпал етті. Соғыс кезінде халық пен кәсіпорындарды эвакуациялау, халықтарды депортациялау және тыл өнеркәсібінің дамуы көпұлтты ортаның қалыптасуына және аймақтың әлеуметтік құрылымының күрделенуіне әкелгені анықталды. Соғыстан кейінгі қалпына келтіру индустриялық даму моделінің нығаюымен, жұмылдыруға негізделген басқару қағидаттарының сақталуымен және жаңа мәдени тәжірибелердің одан әрі институционалдануымен қатар жүрді. *Қорытынды.* Зерттеу Павлодар Ертіс аймағының әлеуметтік-мәдени сипаты кеңес дәуірінің жаңғыруы мен дағдарыс факторларының күрделі өзара әрекеттесуімен қалыптасқанын көрсетеді. Аймақтың трансформациясы дәстүрлі әлеуметтік құрылымдардың жойылуымен, жаңа индустриялық бағытталған әлеуметтік модельдің қалыптасуымен және бұрынғы мәдени ортаның белгілі бір элементтерін сақтай отырып, кеңестік мәдени және идеологиялық тәжірибелердің нығаюымен қатар жүрді.

Кілт сөздер: әлеуметтік-мәдени трансформация, Павлодар Ертіс өңірі, кеңестік модернизация, әскери жұмылдыру кезеңі, депортациялар, соғыстан кейінгі қалпына келтіру.

Алғыс айту. Мақала ҚРҒЖБМ Ғылым комитетінің гранттық қаржыландыруымен «Қазақстан тарихының өңірлік аспектілерін пәнаралық зерттеу (жаңа архивтік материалдар мен фольклорлық шығармалар негізінде)» атты жоба аясында дайындалды (тіркеу нөмірі BR28512385).

Дәйексөз үшін: Мамытова С.Н. 1930–1940 жылдардағы Павлодар-Ертіс өңірінің социомәдени бейнесінің қалыптасуы // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 2. С. 429–446. [орыс.] DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_2_429-446

FORMATION OF THE SOCIOCULTURAL PROFILE OF THE PAVLODAR IRTYSH REGION IN THE 1930S–1940S

Saule N. Mamytova

Astana IT University

(55/11, Mangilik El avenue, 010000, Astana, Republic of Kazakhstan)

Doctoral of historical sciences, Associate Professor

<https://orcid.org/0000-0001-9342-6171> E-mail: saule.mamytova@astanait.edu.kz

© Valikhanov IHE, 2026

© Mamytova S.N., 2026

Abstract. Introduction. The article considers the process of formation of the socio-cultural image of the Pavlodar Irtysh region in the 1930-1940s under the influence of modernization and crisis processes of the Soviet period. Particular attention is paid to the transformation of the social structure, everyday practices and cultural environment of the region under the conditions of collectivization, industrialization, mass famine, repression, military mobilization and post-war reconstruction. The study reveals the features of the interaction of socio-economic, demographic and ideological factors that influenced the development of the region. *Purpose and objectives.* The purpose of the study is to analyze the mechanisms of formation of the socio-cultural image of the Pavlodar Irtysh region in the 1930-1940s in the context of modernization and crisis processes of the Soviet era. Objectives of the study: to identify the influence of collectivization, famine and repression on the transformation of the traditional economic structure and social structure; analysis of the consequences of industrialization and cultural revolution for the formation of a new social and cultural model; study of the role of evacuation, deportations and military mobilization processes in changing the ethnic and social composition of the population; assessment of the features of post-war reconstruction and institutionalization of new cultural practices. *Materials and methods.* The study is based on the analysis of archival documents from central and regional archives, statistical materials, periodical press data and other sources. The work used methods of historical analysis, comparative historical method, analysis of socio-demographic processes, as well as approaches aimed at studying everyday life and socio-cultural transformations. *Results.* The article shows that the crisis processes of the 1930s led to the destruction of the traditional economic structure, deformation of the social structure and changes in the mechanisms of social adaptation of the population. Modernization transformations implemented within the framework of industrialization and cultural revolution contributed to the formation of a new model of social organization

based on centralized management, industrial development and the dissemination of Soviet ideology. It was established that the evacuation of the population and enterprises, deportation of peoples and the development of the rear industry during the war led to the formation of a multi-ethnic environment and the complication of the social structure of the region. Post-war recovery was accompanied by the consolidation of the industrial development model, the preservation of mobilization-based management principles, and the further institutionalization of new cultural practices. *Conclusion.* The study demonstrates that the sociocultural character of the Pavlodar Irtysh region was shaped by the complex interaction of modernization and crisis factors of the Soviet era. The region's transformation was accompanied by the destruction of traditional social structures, the formation of a new industrially oriented social model, and the entrenchment of Soviet cultural and ideological practices, while preserving certain elements of the previous cultural environment.

Keywords: socio-cultural transformation, Pavlodar Irtysh region, Soviet modernization, military mobilization period, deportations, post-war reconstruction.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the grant financing project of the Ministry of Higher Education and Science of the Republic of Kazakhstan "Interdisciplinary study of regional aspects of the History of Kazakhstan (based on new archival materials and folklore works)" (registration number BR28512385).

For citation: Mamytova S.N. Formation of the sociocultural profile of the Pavlodar Irtysh region in the 1930s–1940s // Otan tarikhy. 2026 Vol. 29. No 2. Pp. 429–446. [in Rus.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_2_429-446

Введение. В первой половине XX века территория Казахстана, включая Павлодарское Прииртышье, оказалась в эпицентре масштабных социально-экономических и политических преобразований, связанных с реализацией советского модернизационного проекта. Коллективизация сельского хозяйства, сопровождавшаяся массовым голодом, индустриализация, культурная революция, политические репрессии, депортации народов, а также мобилизационные процессы военного времени и послевоенное восстановление обусловили глубокие изменения во всех сферах жизни населения. Эти процессы не только трансформировали хозяйственную и институциональную структуру региона, но и существенно повлияли на социальные отношения, повседневные практики и культурные формы, определив тем самым социокультурный облик Павлодарского Прииртышья в рассматриваемый период.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного осмысления последствий указанных трансформаций на региональном уровне. Несмотря на значительный массив работ, посвящённых отдельным аспектам истории 1930–1940-х годов - коллективизации, голоду, индустриализации, депортациям и военному времени, - социокультурное развитие Павлодарского Прииртышья в их взаимосвязи остаётся недостаточно изученным. В существующей историографии преобладает фрагментарный подход, при котором указанные процессы рассматриваются изолированно, без анализа их совокупного влияния на формирование структуры общества, повседневности и культурных практик. В этой связи возрастает значимость исследований, направленных на реконструкцию целостного социокультурного облика региона с учётом комплексного воздействия модернизационных и кризисных факторов. Проблема исследования заключается в необходимости выявления и объяснения механизмов трансформации социокультурного облика Павлодарского Прииртышья в условиях наложения модернизационных инициатив советского государства и сопровождавших их кризисных явлений. Речь идёт о том, каким образом совокупность данных процессов повлияла на изменение социальной структуры, демографического состава, повседневных практик, форм культурной жизни и идентичности населения региона.

Целью статьи является комплексный анализ формирования социокультурного облика Павлодарского Прииртышья в 1930–1940-е годы через выявление влияния ключевых модернизационных и кризисных процессов на структуру общества, повседневность и культурные практики населения. Для достижения поставленной цели предполагается рассмотреть основные направления трансформаций, определить их взаимосвязь и оценить их вклад в формирование новой социокультурной реальности региона.

Материалы и методология. Источниковую базу исследования составляют разнородные по своему происхождению и содержанию материалы, позволяющие реконструировать социокультурные процессы в Павлодарском Прииртышье в 1930–1940-е годы на разных уровнях – от

институционального до повседневного. К числу основных источников относятся архивные документы центральных и региональных фондов (постановления и отчеты партийных и советских органов), статистические данные, отражающие демографические и социально-экономические изменения.

Методологическая основа исследования носит междисциплинарный характер и объединяет подходы социальной истории, исторической антропологии и микроисторического анализа. Использование инструментов социальной истории позволяет рассматривать трансформации в структуре общества, демографических процессах и институциональных изменениях. Подходы исторической антропологии ориентированы на анализ повседневности, культурных практик и механизмов адаптации населения в условиях радикальных преобразований. Микроисторический подход, в свою очередь, даёт возможность выявить конкретные формы проявления общих процессов на локальном уровне и реконструировать опыт отдельных социальных групп.

Ключевым аналитическим принципом исследования является рассмотрение социокультурного облика региона через призму взаимосвязанного воздействия модернизационных и кризисных процессов. Это предполагает отказ от изолированного анализа отдельных явлений в пользу их комплексного осмысления как единого трансформационного контекста. В рамках данного подхода используются методы сравнительно-исторического анализа, позволяющие соотнести различные этапы и формы преобразований, а также проблемно-хронологический метод, обеспечивающий последовательное раскрытие динамики изменений в 1930–1940-е годы.

Особое внимание уделяется выявлению механизмов трансформации, связывающих макроуровневые процессы с изменениями на уровне повседневной жизни. Для этого применяется принцип «снижения масштаба анализа», позволяющий проследить, каким образом государственные инициативы и кризисные явления отражались в конкретных социальных практиках, моделях поведения и культурных формах.

Обсуждение. Историографическое осмысление проблемы формирования социокультурного облика Павлодарского Прииртышья в 1930–1940-е годы характеризуется фрагментарностью и отсутствием целостных специализированных исследований, при том, что отдельные аспекты заявленной тематики получили отражение в ряде работ по истории региона, публикациях документального характера, справочно-энциклопедических изданиях и исследованиях, затрагивающих смежные проблемные поля.

Базовый контекст для анализа формируют обобщающие труды по истории города Павлодара и Павлодарской области. В работах доктора исторических наук К.Ж. Нурбаева и журналиста С.П. Шевченко реконструируются ключевые этапы социально-экономического и административно-территориального развития региона в советский период, раскрываются процессы институциональной трансформации, модернизации хозяйственного уклада и формирования новых управленческих структур. Данные исследования обладают значительным обобщающим потенциалом и позволяют выявить макроисторические параметры развития региона.

Существенное значение для разработки темы имеют публикации источниковедческого характера, представленные трудами архивистов В.Д. Болтиной, Л.В. Шевелевой и др. Издания, созданные на базе архива, вводят в научный оборот репрезентативный корпус архивных материалов, отражающих практики функционирования органов власти, особенности реализации социально-экономической и культурной политики, динамику институциональных преобразований на региональном уровне. Их научная ценность определяется высокой степенью эмпирической насыщенности и возможностью реконструкции конкретно-исторического контекста эпохи.

Отдельное место в историографии занимает справочно-энциклопедическая и хроникальная литература, представленная изданиями «Павлодарское Прииртышье: Энциклопедия» и «Хронограф Павлодарской области 1938–2008». Эти труды аккумулируют значительный массив фактографической информации о ключевых событиях, институтах, персоналиях и культурных практиках региона, выполняя функцию систематизации и верификации исторических данных. Вместе с тем их описательный характер и ориентация на справочную репрезентацию материала ограничивают возможности проблемно-аналитического осмысления процессов социокультурной трансформации.

Культурологическое измерение частично представлено в исследовании Н.И. Денисовой, посвященном художественной жизни Павлодарского региона 1940–1980-х годов. Данная работа

актуализирует вопросы функционирования художественной сферы как важнейшего элемента социокультурного пространства.

Определенное значение для рассматриваемой проблематики имеют исследования, ориентированные на анализ социально-экономических процессов, в частности работа Р.Ж. Кадысовой и А.Д. Азербаета, посвященная историографии сельского хозяйства Казахстана в послевоенный период. Военно-исторический аспект представлен публикациями Э.Д. Соколкина, в которых освещается участие населения Павлодарского Прииртышья в Великой Отечественной войне, а также отдельные сюжеты региональной исторической памяти. Эти работы позволяют дополнить представления о влиянии военного фактора на социальную структуру и коллективную идентичность населения.

Несмотря на наличие значительного корпуса работ, затрагивающих отдельные аспекты исторического развития Павлодарского Прииртышья, проблема формирования его социокультурного облика в 1930–1940-е годы не получила в научной литературе самостоятельного и комплексного освещения. Имеющиеся исследования формируют необходимую источниковую и фактологическую базу, а также задают отдельные исследовательские ракурсы, однако не обеспечивают целостной интерпретации социокультурных трансформаций региона в указанный период. В этой связи заявленная тема представляется недостаточно разработанной в историографии, что обуславливает ее научную новизну, и определяет необходимость комплексного анализа, интегрирующего социальные, культурные и ментальные аспекты регионального развития.

Результаты. *Кризисные процессы 1930-х годов и разрушение традиционного социокультурного уклада региона*

Кризисные явления 1930-х годов, прежде всего коллективизация сельского хозяйства, массовый голод и политические репрессии, оказали определяющее воздействие на социокультурное развитие Павлодарского Прииртышья, приведя к глубокой трансформации традиционного уклада жизни. Данные процессы носили не локальный, а системный характер, затрагивая все ключевые элементы социальной организации – от хозяйственных практик до структуры социальных связей и повседневного поведения.

Коллективизация сопровождалась коренной ломкой веками складывавшихся традиций и уклада хозяйствования – переводом кочевого и полукочевого казахского населения на оседлый образ жизни [Болтина, 2012: 610]. В условиях Павлодарского Прииртышья данная политика отличалась особой остротой и драматизмом, поскольку хозяйственная система региона исторически базировалась на кочевых и полукочевых формах природопользования, тесно адаптированных к локальным природно-климатическим условиям, сезонным миграциям и мобильному использованию пастбищных угодий. Поэтому насильственное оседание и обобществление скота означали здесь не только административное преобразование хозяйственной организации, но и подрыв самой основы традиционного жизнеобеспечения. Последствием этого стали утрата хозяйственной самостоятельности, разрушение сложившихся механизмов социальной и экономической адаптации, изменение структуры труда и включение населения в систему централизованного планово-распределительного регулирования. Одним из наиболее тяжёлых последствий коллективизации стал массовый голод начала 1930-х годов, вызвавший значительные демографические потери и масштабные миграции населения. В результате численность казахского населения сократилась более чем вдвое. Голод также привёл к разрыву устойчивых социальных связей, разрушению семейных структур и ослаблению общинных механизмов взаимопомощи. В условиях дефицита ресурсов происходила трансформация повседневных практик, направленных на физическое выживание, что способствовало изменению ценностных ориентиров и моделей поведения.

Параллельно с экономическими потрясениями усиливалось политическое давление, проявившееся в репрессивной политике государства. Наиболее интенсивная фаза репрессивной политики пришлась на 1937–1938 годы, когда в рамках реализации сталинской концепции обострения классовой борьбы были развёрнуты масштабные операции по ликвидации так называемых «врагов народа». Репрессии носили системный характер и затронули различные социальные группы, однако наибольшую долю среди репрессированных составляли представители интеллигенции, что свидетельствует о целенаправленном разрушении интеллектуального и управленческого потенциала общества [Нурбаев, 2009: 37]. По архивным данным, в Павлодарской области в годы массовых репрессий пострадали около 5 тысяч человек, из них 2450 были осуждены, 932 – расстреляны [Забвению не подлежат, 1997]. Репрессивные меры институционально

оформлялись как «высшая мера социальной защиты», а система исправительно-трудовых лагерей рассматривалась как инструмент «социальной профилактики», что отражает идеологическое обоснование насилия в рамках советской государственной политики.

Одновременно с репрессивной политикой формировалась разветвлённая система принудительного расселения и трудовой мобилизации населения. Уже с конца 1930-х годов на территории Павлодарского Прииртышья создавались спецпосёлки для трудпоселенцев, преимущественно из числа раскулаченных, что свидетельствовало о институционализации механизмов внеэкономического принуждения и включения различных категорий населения в систему контролируемого труда. В предвоенный и особенно в военный периоды данная система получила дальнейшее развитие и масштабирование за счёт массовых депортаций народов СССР. В результате в Павлодарскую область были переселены поляки, немцы, чеченцы, ингуши, болгары и представители других этнических групп, что существенно изменило демографическую и социокультурную структуру региона.

Одними из первых в регион прибыли депортированные польские граждане: по состоянию на декабрь 1941 года их численность на территории области составляла 9233 человека [ГАПО. Ф. 646. Оп.1. Д. 14. Л. 6]. Наиболее значительную по численности группу спецпереселенцев составляли немцы, депортация которых носила массовый характер: в ноябре 1941 года в Павлодарскую область было направлено 51 377 человек [ГАПО. Ф. 3-п. Оп. 1. Д. 243. Л. 8, 8 об.]. Тем самым регион стал одним из ключевых пунктов размещения депортированных контингентов, что предопределило специфику его социального и культурного развития в последующий период.

Параллельно реализовывалась политика воинствующего атеизма, направленная на трансформацию религиозной и культурной среды региона. Репрессиям подвергались священнослужители, религиозные учреждения закрывались или перепрофилировались под хозяйственные и административные нужды. Так, «Ак мечеть» в центре Павлодара была передана под различные учреждения, а ряд христианских культовых зданий был демонтирован и использован в качестве строительного материала для городских объектов [Павлодарское Прииртышье, 2003: 25].

Глубокая трансформация коснулась не только социальную структуру, но и культурно-ценностные основы общества. Репрессии, депортации и антирелигиозная политика выступали взаимосвязанными элементами единой стратегии социального переустройства, направленной на разрушение традиционных форм организации общества и формирование новой, идеологически контролируемой социокультурной среды. В условиях кризиса особое значение приобрели стратегии выживания и адаптации населения. Они включали как индивидуальные, так и коллективные формы приспособления к новым условиям: изменение хозяйственного поведения, использование неформальных практик обмена и взаимопомощи, поиск альтернативных источников существования. Эти практики демонстрируют способность локального общества к адаптации, несмотря на масштаб и глубину происходивших трансформаций.

Модернизационные преобразования и формирование советской социальной и культурной модели

Вслед за кризисными явлениями 1930-х годов в Павлодарском Прииртышье развернулся комплекс модернизационных преобразований, направленных на интеграцию региона в советскую систему. Важным институциональным этапом в трансформации социокультурного пространства региона стало административно-территориальное оформление Павлодарской области. Постановлением Центрального Исполнительного Комитета Казахской ССР от 1 января 1938 года была создана новая административная единица, что сопровождалось перераспределением территорий и укреплением управленческого центра. В архивном документе прямо указывалось: «В состав Павлодарской области выделить город Павлодар и следующие районы Восточно-Казахстанской области: Павлодарский, Кагановический, Цюрупинский, Иртышский, Куйбышевский, Урлютюбский, Максимо-Горьковский, Лозовский, Бескарагайский и выделенный из Карагандинской области Баян-Аульский [...] Центром Павлодарской области утвердить город Павлодар» [ЦГА РК. Ф. 195. Оп. 3. Д. 75. Л. 3–4]. Данное решение отражало характерную для советского государства практику территориальной реорганизации, направленной на усиление управляемости и включение регионов в централизованную систему планирования. Формирование областного уровня управления означало не только изменение административных границ, но и институционализацию новых механизмов контроля над экономической, социальной и культурной жизнью населения. В этом контексте создание Павлодарской области следует рассматривать как один из ключевых факторов,

обеспечивших переход региона к новой модели социокультурной организации, основанной на принципах централизованного управления и интеграции в общесоюзное пространство.

Индустриализация, культурная революция и институционализация советской власти выступили ключевыми механизмами формирования новой социальной структуры и трансформации культурного пространства, задав основы советской модели общественного устройства. Конкретным проявлением индустриализационного курса на локальном уровне стало развитие легкой промышленности. В Отчетах Павлодарского горсовета отмечалось, что в Павлодаре в середине 1930-х годов были мукомольный комбинат, хлебозавод, маслобойня, рыбзавод, мастерские НКС и мелкая промышленность, вырабатывающая кустарные товары, а также предприятия коммунального хозяйства [Болтина, Шевелева, 2014: 26]. Эти факты свидетельствуют о формировании базовой перерабатывающей и пищевой промышленности, ориентированной на обеспечение потребностей как местного населения, так и более широкого регионального рынка. При этом флагманом местной промышленности оставался судоремонтный завод, игравший ключевую роль в обслуживании речного транспорта и обеспечении функционирования хозяйственной системы, связанной с Иртышским водным путём.

Индустриализационный курс в Павлодарском Прииртышье также выразился в строительстве железнодорожной линии Акмолинск – Павлодар, к организации которой приступили в декабре 1940 года. Железная дорога протяжённостью 440 км рассматривалась как вторая составная часть Сталинско-Магнитогорской магистрали, а к концу 1941 года по ней планировалось открыть сквозное движение поездов. Для реализации проекта предусматривались укладка 440 км пути, выполнение 9 млн кубометров земляных работ, строительство моста через Иртыш длиной около 700 метров, а также возведение средних и малых мостов, труб и ряда технических и гражданских сооружений. На строительстве линии в 1941 году планировалось задействовать 14 тыс. рабочих [ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 180. Л. 54]. Данные сведения показывают, что модернизация региона осуществлялась не только через развитие производства как такового, но и посредством масштабного инфраструктурного освоения территории, направленного на включение Павлодарского Прииртышья в единое транспортно-экономическое пространство СССР. Вместе с тем представленные факты фиксируют и мобилизационный характер этих преобразований: Народный комиссариат путей сообщения обращался к областным партийным и советским органам с просьбой оказать строительству «всемерную помощь» в выделении рабочей силы и тягла. Характерной особенностью индустриального развития региона являлась зависимость от привлечённой рабочей силы. На большинстве промышленных объектов квалифицированные кадры формировались преимущественно за счёт рабочих, прибывших из других союзных республик, тогда как подготовка местных специалистов оставалась недостаточно развитой. Это свидетельствует о дисбалансе в кадровой политике, при котором темпы индустриализации опережали формирование собственной профессиональной базы региона, что, в свою очередь, влияло на социальную структуру и ограничивало возможности устойчивого воспроизводства квалифицированного труда.

Ярким свидетельством масштабов индустриализационных процессов и стратегической роли региона является развитие Экибастузского угольного месторождения. В докладной записке начальника Экибастузской геологоразведочной партии от 16 июня 1942 года подчёркивается, что потребности промышленности ряда регионов Казахстана, а также Омской области, железнодорожного транспорта и речного пароходства могут быть обеспечены за счёт расширения добычи угля на Экибастузе. Геологические запасы месторождения оценивались приблизительно в 4,5 млрд тонн, что составляло около 9 % запасов Карагандинского угольного бассейна. Проведённые геологоразведочные работы позволили выявить промышленные запасы угля, достаточные для проектирования крупного механизированного карьера или шахт с годовой добычей не менее 1 млн тонн. При этом уже к концу 1941 года на одном из участков были утверждены запасы в размере 107,7 млн тонн. Советские органы власти рассматривали Экибастуз как «будущую вторую угольную базу Казахстана», способную обеспечить энергетические и промышленные потребности широкого региона [ГАПО. Ф. 3-п. Оп. 1. Д. 391. Л. 43–44]. Особое значение придавалось связке ресурсной базы и транспортной инфраструктуры: строительство железнодорожной линии Акмолинск – Павлодар должно было обеспечить включение месторождения в общесоюзную хозяйственную систему. В документах того времени подчёркивался мобилизационный характер освоения месторождения, предусматривавший ускоренное финансирование, восстановление инфраструктуры и подготовку к промышленной эксплуатации в условиях военного времени.

Одновременно происходила институционализация советской власти, выражавшаяся в укреплении партийно-государственного аппарата и внедрении централизованных механизмов управления. На локальном уровне формировалась сеть административных структур, обеспечивающих контроль над экономической, социальной и культурной жизнью населения. Важную роль играли колхозы и совхозы, как хозяйственные, а также социальные институты, через которые осуществлялось регулирование труда, распределение ресурсов и организация повседневной жизни.

Важнейшим элементом модернизационного проекта выступила культурная революция. Она была направлена на преобразование духовной сферы и формирование новой системы ценностей. Расширение сети образовательных учреждений, ликвидация неграмотности, развитие культурно-просветительских организаций (клубов, библиотек, домов культуры) способствовали распространению советской идеологии и формированию новой культурной среды [Денисова, 1997: 27]. Образование становилось инструментом социальной интеграции и каналом трансляции нормативных установок, ориентированных на коллективизм, трудовую дисциплину и лояльность государству.

Однако декларируемые цели культурной революции не всегда находили адекватное отражение в реальной практике на местах. Реализация политики ликвидации неграмотности в регионе сталкивалась с существенными трудностями, что свидетельствует о противоречивом характере культурной модернизации. Так, согласно постановлению Оргкомитета Президиума Верховного Совета КазССР по Павлодарской области от 27 декабря 1938 года, план ликвидации неграмотности за 11 месяцев 1938 года был выполнен лишь на 41 % (4945 человек вместо запланированных 12000). В ряде районов показатели были ещё ниже: Баян-Аульский – 18 %, Кагановичский – 27 %, Павлодарский – 31 %, Куйбышевский – 39 %. Более того, отдельные сельские советы в течение года не обучили ни одного человека [ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 12. Л. 355].

Архивные документы также фиксируют системные проблемы: текучесть кадров, слабую организацию обучения, а также случаи предоставления искажённых данных о числе неграмотного населения (например, в Лозовском районе фактическое число неграмотных оказалось более чем в четыре раза выше заявленного). Особенно низкими были показатели среди рабочих и колхозников: из 4000 неграмотных членов колхозов и их семей обучено лишь 892 человека, а на предприятии «Майкаинзолото» – 15 из 900 [ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 12. Л. 356]. Приведённые данные позволяют сделать вывод о том, что процессы культурной революции в Павлодарском Прииртышье носили неравномерный и во многом декларативный характер.

Несмотря на институциональные усилия государства, реальное внедрение новых культурных практик, прежде всего в сфере образования, сталкивалось с ограничениями кадрового, организационного и социального характера, что существенно замедляло формирование новой культурной среды.

Процессы культурной модернизации сопровождались значительными диспропорциями в доступе к социальным и культурным ресурсам. Несмотря на расширение сети образовательных, медицинских и культурно-просветительских учреждений, их развитие происходило неравномерно и во многом отражало приоритеты государственной политики. В частности, открытие школ, больниц и других социальных учреждений преимущественно осуществлялось в городах. По данным переписи 1939 года, численность населения города Павлодара составляла около 29 тыс. человек, тогда как основная часть казахского населения проживала в сельской местности, где доступ к образовательной и медицинской инфраструктуре оставался ограниченным. Дополнительным проявлением данных диспропорций являлась политика в сфере языкового и образовательного обеспечения. Так, обеспечение учебной литературой носило явно асимметричный характер: заявки на казахские учебники выполнялись лишь на 28%, тогда как по русским - на 68%. Это свидетельствует о сужении сфер использования казахского языка и постепенной маргинализации национальной культурной среды в рамках проводимой модернизационной политики. В результате формировалась ситуация, при которой декларируемое развитие образования и культуры сочеталось с ограничением возможностей для полноценного воспроизводства культурной и языковой идентичности коренного населения.

В результате модернизационных преобразований существенно изменялась повседневная жизнь населения. Трудовые практики становились более регламентированными и подчинёнными производственным задачам, усиливалась роль коллективных форм организации труда и досуга. Одновременно происходило внедрение новых социальных норм, касающихся поведения, семейных

отношений и общественной активности. Повседневность все в большей степени структурировалась в соответствии с идеологическими и институциональными установками советской системы.

Значительное влияние модернизационные процессы оказали на культурные практики и идентичность населения. Традиционные формы мировоззрения, включая религиозные представления и обрядность, подвергались трансформации под воздействием секуляризации и идеологического давления. На смену локальным и родовым идентичностям постепенно приходила советская идентичность, основанная на принадлежности к единому социалистическому обществу. Однако данный процесс носил неоднородный характер и сопровождался сосуществованием и переплетением традиционных и новых культурных элементов.

Таким образом, модернизационные преобразования 1930–1940-х годов сыграли ключевую роль в формировании советской социальной и культурной модели в Павлодарском Прииртышье. Они не только способствовали созданию новых социальных групп и институциональных структур, но и глубоко изменили повседневную жизнь, культурные практики и механизмы самоидентификации населения, заложив основы новой социокультурной реальности региона.

Военно-мобилизационный и послевоенный этап как закрепление нового социокультурного облика региона

Военно-мобилизационный и послевоенный этап стал завершающей фазой глубокой трансформации социокультурного облика Павлодарского Прииртышья, в рамках которой ранее начавшиеся изменения получили дальнейшее развитие и институциональное закрепление. Великая Отечественная война не только резко изменила хозяйственную и социальную жизнь региона, но и ускорила процессы перестройки повседневности, перераспределения социальных ролей, усиления государственного контроля и формирования многоэтнической среды. В послевоенные годы эти изменения не были преодолены как временное явление, а, напротив, стали основой новой региональной реальности. С началом войны Павлодарское Прииртышье, как и другие регионы Казахстана, было включено в единое мобилизационное пространство советского государства. Массовый призыв мужчин в армию привел к существенному изменению социальной структуры местного общества. Значительная часть трудовых и хозяйственных обязанностей перешла к женщинам и подросткам [Шевченко, 2000: 79]. Это вызвало заметную перестройку повседневной жизни. Женщины стали выполнять не только традиционные семейно-бытовые функции, но и брать на себя работу в сельском хозяйстве, на производстве и в учреждениях, что способствовало дальнейшему изменению гендерных ролей и укреплению их общественной значимости. Военное время усилило тенденции, начавшиеся в период предшествующей советской модернизации, а также придало им более жесткий, мобилизационный характер.

Масштаб вовлечения региона в военные процессы подтверждается как демографическими, так и социально-экономическими показателями. Значительное число жителей области было мобилизовано на фронт: около 50 тыс. человек принимали участие в боевых действиях, при этом потери населения были крайне высокими - более 21,8 тыс. уроженцев Павлодарской области погибли или пропали без вести. Одновременно формировалась система морально-символической мобилизации, выражавшаяся в присуждении государственных наград, в том числе звания Героя Советского Союза, которым были удостоены более 20 жителей региона [Соколкин, 2010]. Параллельно происходила трансформация хозяйственной структуры области в направлении усиления её роли как тылового индустриального центра. Эвакуация предприятий оборонного значения способствовала превращению Павлодара в один из опорных элементов военно-промышленного комплекса на востоке страны. Данный процесс сопровождался концентрацией производственных ресурсов, изменением структуры занятости и ускоренной индустриализацией городского пространства. В условиях военного времени значительное развитие получили практики массовой социальной мобилизации, направленные на поддержку фронта. Население активно участвовало в сборе средств, материальных ресурсов и гуманитарной помощи. Так, за годы войны трудящиеся Павлодара собрали значительные финансовые средства на нужды обороны, а также организовали масштабные кампании по обеспечению фронта тёплыми вещами и продовольствием. Широкое распространение получило донорское движение, отражающее высокий уровень вовлечённости населения в мобилизационные процессы и формирование практик коллективной ответственности. За четыре года войны трудящиеся Павлодара на постройку танковых колонн, другой военной техники собрали 202 миллиона рублей. В подлинно народное движение вылился сбор теплых вещей и

подарков для фронтовиков. Только в день Красной Армии в 1942 году фронтовики получили от павлодарцев 1264 посылки общим весом 17 тонн.

Перестройка повседневности в условиях войны выражалась в подчинении всех сфер жизни задачам фронта и тыла. Трудовая дисциплина, нормы потребления, организация семейной жизни, распределение ресурсов и даже формы досуга определялись логикой военного времени. Повседневное существование населения сопровождалось дефицитом продовольствия, материальных ресурсов и рабочей силы, что требовало постоянной адаптации и мобилизации внутренних резервов. В этих условиях укреплялись практики взаимопомощи, коллективной ответственности и локальной солидарности, однако одновременно возрастала зависимость человека от государственных институтов распределения и контроля. Военный период окончательно закрепил приоритет коллективных интересов над индивидуальными и усилил роль государства как главного организатора социальной жизни. Конкретным отражением перестройки социальной и культурной жизни региона на военный лад являются данные, зафиксированные в докладной записке председателя Павлодарского облисполкома Х. Темирханова. Несмотря на военные условия, в области продолжалась работа по поддержанию и развитию системы народного образования: к началу 1941/42 учебного года из 105 школ, подлежащих капитальному ремонту, было отремонтировано 98, а из 384 школ, требовавших текущего ремонта, – 371 [ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 138. Л. 7]. Вместе с тем этот документ фиксирует сохраняющиеся проблемы в сфере культурной модернизации. Процессы ликвидации неграмотности и малограмотности продвигались крайне медленно: из 5034 неграмотных на 1 октября было обучено лишь 1883 человека, при этом значительная часть населения оставалась вне системы обучения. Аналогичная ситуация наблюдалась и с изучением нового казахского алфавита – из почти 30 тыс. учтённых обучением было охвачено менее половины [ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 138. Л. 7]. В условиях военного времени система образования была включена в мобилизационные процессы: на помощь колхозам в уборке урожая было направлено свыше 13 тыс. учащихся и 751 учитель. Это свидетельствует о том, что образовательные институты функционировали не только как элементы культурной политики, но и как ресурс хозяйственной мобилизации [ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 138. Л. 8].

Дальнейшее развитие указанных процессов прослеживается в материалах за 1942 год, отражающих состояние системы народного образования в условиях продолжавшейся войны. Согласно докладной записке отдела пропаганды и агитации Павлодарского обкома КП(б)К, школьная сеть области в 1941–1942 учебном году претерпела значительные изменения: общее количество школ сократилось с 510 до 466, что было связано как с укрупнением школ, так и с передачей части школьных зданий под нужды военных ведомств и размещение эвакуированного населения. Военные условия существенно повлияли и на контингент учащихся: за учебный год наблюдался значительный отсев, составивший более 9 тыс. человек, при этом в отдельных районах масштабы выбытия учащихся были особенно высокими. Одновременно фиксируется высокая степень вовлечения учащихся в мобилизационные процессы, а также перестройка школьной системы под нужды военного времени, включая развитие военно-физкультурной подготовки. Существенной проблемой оставался дефицит педагогических кадров: по состоянию на конец учебного года область испытывала потребность в 468 учителях, что свидетельствует о серьёзной нагрузке на образовательную систему в условиях мобилизации части специалистов и общей дестабилизации кадрового состава [ГАПО. Ф. 3-п. Оп. 1. Д. 363. Л. 46–54]. В совокупности данные материалы позволяют сделать вывод о том, что система образования в Павлодарском Прииртышье в военный период функционировала в условиях постоянного баланса между задачами сохранения институциональной устойчивости и необходимостью адаптации к мобилизационной экономике. Это, в свою очередь, способствовало дальнейшему закреплению советской модели социокультурной организации, в которой образовательная, идеологическая и хозяйственная функции тесно переплетались.

Важным фактором, существенно изменившим социальную структуру и повседневную жизнь региона, стало размещение эвакуированного населения. Согласно докладной записке инспектора эвакуационного отдела при СНК КазССР от 9 октября 1941 года, к 6 октября 1941 года в Павлодарскую область прибыло 3926 человек, из которых лишь 217 составляли мужчины, тогда как основную массу составляли женщины (1755) и дети (1954). При этом почти половина прибывших (1994 человека) относилась к нетрудоспособному населению [ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 178. Л. 60–61]. Среди эвакуированных находилось значительное число специалистов – инженеров, техников, медицинских работников, учителей, служащих, что свидетельствует о переносе в регион не только

населения, но и элементов профессиональной и культурной среды крупных городов, включая Москву и Ленинград. Вместе с тем документ фиксирует серьёзные организационные проблемы: размещение эвакуированных осуществлялось без учёта экономического состояния колхозов, а местонахождение части прибывших (568 человек) вообще не было установлено [ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 178. Л. 62–67]. Эти данные свидетельствуют, что эвакуация выступила не только демографическим, но и социокультурным фактором трансформации региона. С одной стороны, она усилила нагрузку на локальное хозяйство и обострила проблемы обеспечения населения, с другой – способствовала усложнению социальной структуры и внесению в регион новых профессиональных, культурных и поведенческих практик, что в дальнейшем повлияло на формирование многоэтничного и социально дифференцированного пространства Павлодарского Прииртышья.

Наряду с эвакуацией населения существенное влияние на социокультурную трансформацию региона оказало размещение в Павлодаре эвакуированных промышленных предприятий. Согласно архивным данным, к концу 1942 года в городе были размещены меховая фабрика из Харькова, центральные ремонтно-механические мастерские «Мостостроя» НКПС из Тулы, завод художественного литья из Ленинграда, а также завод «Автотрактородеталь» Наркомата среднего машиностроения [ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 201. Л. 71 и об.]. Размещение указанных предприятий свидетельствует о том, что Павлодарское Прииртышье в военный период выступало не только как зона приёма эвакуированного населения, но и как важный элемент тыловой индустриальной базы. Перенос производственных мощностей сопровождался формированием новых рабочих коллективов, притоком квалифицированных специалистов и изменением структуры занятости местного населения. Эти процессы способствовали дальнейшей индустриализации региона и ускоренному включению его в общесоюзную систему военной экономики. Одновременно это влияло на повседневную жизнь населения, усиливая урбанизационные тенденции, изменяя трудовые практики и способствуя формированию новых форм социальной и профессиональной идентичности.

Вместе с тем размещение эвакуированных предприятий сопровождалось существенным перераспределением ресурсов и трансформацией городского пространства. Согласно архивным данным, для размещения завода «Октябрь», производившего запасные части для сельского хозяйства и Красной Армии, в г. Павлодаре были выделены производственные площади общей площадью 6000 м², причём в ущерб интересам ряда областных организаций. Под нужды завода были переданы здания городского театра – единственного в областном центре, центральные торговые ряды, помещения промышленных предприятий и других учреждений [ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 211. Л. 80, 83]. Обобщённую картину влияния эвакуированных предприятий на хозяйство региона дают материалы, характеризующие итоги 1942 года. Согласно архивным данным, в Павлодар были эвакуированы пять предприятий союзного подчинения, часть из которых была введена в эксплуатацию в кратчайшие сроки. Так, Тульские ремонтные мастерские и меховая фабрика начали функционировать вскоре после прибытия, тогда как другие предприятия находились в стадии восстановления или перепрофилирования. В частности, Ленинградский завод художественного литья был переориентирован на выпуск строительных материалов – черепицы и гончарной посуды, а завод «Октябрь» и кожевенный завод должны были быть введены в действие в 1943 году [ГАПО. Ф. 634. Оп. 1. Д. 73. Л. 595, 595 об., 596]. Приведённые данные указывают на то, что эвакуация предприятий не ограничивалась их механическим перемещением, а сопровождалась их адаптацией к потребностям военной экономики и ресурсным возможностям региона.

Дополнительным проявлением милитаризации социокультурного пространства региона стало расширение сети военных учебных и вспомогательных учреждений. Согласно архивным данным, в 1943 году в г. Павлодаре была развернута авиационная школа первоначального обучения, рассчитанная на подготовку до 800 пилотов в год. Для её размещения использовались различные здания, рассредоточенные по городу, включая общежития, учебные корпуса, столовые и административные помещения. При этом документ фиксирует острую проблему нехватки инфраструктуры и конкуренции за городские ресурсы: руководство авиашколы ходатайствовало о передаче в её распоряжение здания эвакогоспиталя, а также о выделении дополнительных площадей под авиаремонтные мастерские [ГАПО. Ф. 3-п. Оп. 1. Д. 440. Л. 15, 15 об.]. Данные факты показывают, что военный период сопровождался не только индустриализацией и эвакуацией предприятий, но и активным развитием военной инфраструктуры, что вело к дальнейшему перераспределению городского пространства. В результате образовательные, медицинские и культурные учреждения всё в большей степени подчинялись задачам военного времени, что

усиливало мобилизационный характер социальной организации и трансформировало повседневную жизнь населения.

Одним из важнейших факторов изменения социокультурного облика региона стали депортации народов в годы войны. Переселение в Казахстан различных этнических групп, включая немцев, чеченцев, ингушей и представителей других народов, существенно изменило демографическую и культурную структуру Павлодарского Прииртышья. Регион, ранее переживший масштабные потери населения и внутренние социальные деформации, оказался пространством формирования нового многоэтнического сообщества. Депортированные группы привнесли в локальную среду собственные хозяйственные навыки, формы быта, элементы культурной традиции и модели внутригрупповой солидарности. Их включение в жизнь региона происходило в сложных условиях административного контроля, ограничений и материальных трудностей, однако постепенно они становились частью общей социальной структуры.

Характер включения депортированных групп в социально-экономическую структуру региона раскрывается в архивных документах, регламентирующих их размещение и трудовое использование. Так, согласно циркулярному письму Народного комиссариата совхозов КазССР от марта 1944 года, в связи с прибытием спецпереселенцев карачаевцев и чечено-ингушей в совхозах области предписывалось усилить контроль за их деятельностью, организовать специальные контрольно-сторожевые посты с привлечением «ответственных работников», коммунистов и комсомольцев, а также установить строгую охрану имущества и скота [ГАПО. Ф. 471. Оп. 2. Д. 13. Л. 120]. Данные меры отражают то, что депортированные рассматривались не только как трудовой ресурс, но и как потенциально неблагонадёжный контингент, требующий постоянного надзора. Включение их в хозяйственную систему происходило в условиях административного контроля и ограниченной свободы, что формировало особую модель социального взаимодействия, основанную на сочетании принуждения, регламентации и экономической необходимости.

Формирование полиэтничной среды имело долговременные последствия для социокультурного развития региона. С одной стороны, депортации стали следствием репрессивной политики государства и сопровождались тяжёлыми условиями адаптации переселенцев. С другой стороны, именно в этот период усилилась культурная многослойность локального пространства, расширились формы межэтнического взаимодействия, сложились новые модели сосуществования различных групп в рамках общей хозяйственной и социальной системы. Тем самым военное время не только усилило кризисные черты регионального развития, но и придало ему новые характеристики, связанные с этнокультурным разнообразием.

Долгосрочные последствия депортационных процессов и особенности включения спецпереселенцев в социально-экономическую систему региона наглядно проявляются в материалах конца 1940-х годов. Согласно данным проверки жилищно-бытовых условий спецпереселенцев, проведённой в 1948 году, значительная часть переселённых продолжала находиться в нестабильном положении: из 1180 семей (3697 человек) многие проживали «на уплотнении» у местного населения, причём число семей, не имеющих собственного жилья, фактически оказалось значительно выше первоначально заявленного. При этом документ фиксирует существенные различия в уровне адаптации различных групп спецпереселенцев. Так, среди чечено-ингушского населения значительная часть семей сумела обзавестись собственным жильём и хозяйством, тогда как среди немецких спецпереселенцев преобладали семьи, продолжавшие проживать в условиях стеснённого размещения и испытывавшие материальные трудности. Отмечается, что отсутствие собственного жилья напрямую влияло на экономическое положение и трудовую дисциплину, тогда как наличие хозяйственной базы способствовало более устойчивой интеграции в колхозную систему [ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 176. Л. 9–10]. Формирование многоэтнического социокультурного пространства региона сопровождалось неравномерной интеграцией различных групп населения. Социальное положение, условия проживания и степень включённости в хозяйственную деятельность существенно различались, что формировало внутреннюю дифференциацию и усложняло структуру локального общества.

Послевоенное восстановление стало этапом, на котором трансформации 1930–1940-х годов получили устойчивое институциональное оформление. Восстановление хозяйства, развитие социальной инфраструктуры, укрепление управленческих и производственных структур сопровождалось дальнейшим закреплением советской модели организации общества. Если в 1930-е годы многие преобразования носили насильственный и кризисный характер, а военный период был

временем предельной мобилизации, то в послевоенные годы произошла их нормализация в рамках устойчиво функционирующей системы. Новая социальная структура, включавшая колхозное крестьянство, рабочие кадры, административно-управленческий слой и многоэтническое население, становилась постоянной основой жизни региона.

Наиболее остро кризисные явления проявились в первые послевоенные годы, особенно в 1946–1947 годы, когда регион столкнулся с последствиями военной мобилизации и структурными дисбалансами экономики. Наиболее тяжёлое положение сохранялось в сельской местности, где сельское хозяйство вышло из войны в состоянии глубокого кризиса: сократились посевные площади, снизилась урожайность, уменьшилось поголовье скота и общий объём сельскохозяйственного производства [Кадысова, Азербайев, 2011: 19]. В результате темпы восстановления аграрного сектора оставались крайне низкими.

Ситуация в городах, хотя и не достигала масштабов сельского кризиса, также характеризовалась высоким уровнем материальных ограничений. Значительная часть населения продолжала проживать в условиях острого жилищного дефицита, в переполненных бараках, при нехватке продовольствия, одежды и товаров первой необходимости. Дефицит носил системный характер и отражал общую несбалансированность послевоенной экономики.

Фактором дестабилизации стало сокращение кадрового потенциала региона. Массовый выезд ранее эвакуированных специалистов привёл к острой нехватке квалифицированных кадров, особенно в сферах народного образования и здравоохранения, финансирование которых в послевоенный период было существенно ограничено. Это негативно сказывалось на восстановлении социальной инфраструктуры и качестве предоставляемых услуг.

Переход к мирной модели развития промышленности также сопровождался значительными трудностями. Наряду с реконструкцией существующих предприятий, важную роль в экономике региона играл завод «Октябрь», специализировавшийся на производстве запасных частей для сельскохозяйственной техники. Одновременно закладывались основы дальнейшей индустриализации: в 1948 году был создан трест «Иртышуглестрой», а в Экибастузе начались строительные работы, что в перспективе привело к запуску добычи угля и отправке первого эшелона на Урал в 1954 году.

Особенно сложной оставалась ситуация в сельском хозяйстве, где сохранялись элементы мобилизационной экономики. Колхозники фактически были лишены нормированного рабочего времени и социальных гарантий, а система заготовок предусматривала изъятие продукции по ценам, не покрывающим издержки производства. В этих условиях труд сохранял принудительный характер и отличался низкой производительностью, несмотря на отдельные попытки повышения эффективности через механизацию и укрупнение колхозов с 1950 года.

В то же время индустриальное развитие способствовало росту урбанизации: создание новых рабочих мест в промышленности привлекало население в города, однако темпы жилищного строительства существенно отставали от этого процесса, усиливая социальную напряжённость. Приоритет в развитии социальной инфраструктуры отдавался областному центру, что усиливало дисбаланс между городом и сельской местностью.

Несмотря на сохраняющиеся трудности, в послевоенный период наблюдалось постепенное восстановление культурной жизни региона. Уже в 1945 году был открыт областной объединённый казахско-русский драматический театр, а в 1946 году – первый парк культуры и отдыха в Павлодаре. Параллельно возобновлялась деятельность образовательных и культурно-просветительских учреждений, однако их обеспеченность оставалась низкой: по состоянию на 1950 год одна школа приходилась примерно на 520 жителей, библиотека – на 1093, а клуб – на 790 человек [Хронограф, 2008: 132].

В идеологическом отношении послевоенный период сопровождался усилением контроля над интеллектуальной сферой и закреплением официальной интерпретации советского развития. На фоне утверждения представлений о правильности выбранного курса усиливалась политическая регламентация научной и культурной деятельности, что проявилось в новой волне давления на интеллигенцию в конце 1940-х – начале 1950-х годов.

Послевоенное восстановление Павлодарского Прииртышья носило противоречивый характер, сочетая процессы экономического роста и индустриального развития с сохранением кризисных явлений, структурных дисбалансов и жёсткой институциональной регламентации социальной и культурной жизни. Характер послевоенного закрепления трансформаций наглядно проявляется в

мерах по военному и инфраструктурному освоению территории региона. Так, согласно постановлению Совета Министров КазССР от 1948 году, значительные земельные участки на территории Павлодарской области подлежали передаче в распоряжение военного строительства ядерного полигона, при этом предусматривалось переселение колхозов и изменение административно-территориального деления. В частности, колхоз имени Орджоникидзе подлежал переселению с территории, отведённой под строительство, а ряд других хозяйств передавался в состав соседних районов в связи с образованием запретной зоны [ГАПО. Ф. 646. Оп. 1с. Д. 1а. Л. 74]. Данные меры указывают на то, что послевоенный этап не означал возврата к довоенной модели развития, а, напротив, характеризовался продолжением политики перераспределения пространства и ресурсов в интересах государства. Территория региона рассматривалась как объект стратегического использования, что сопровождалось перемещением населения, трансформацией хозяйственной структуры и изменением административных границ. Таким образом, послевоенное развитие Павлодарского Прииртышья происходило в русле сохранения мобилизационного характера управления, при котором социальные и хозяйственные интересы местного населения подчинялись задачам государственного и военного строительства.

Практическая реализация послевоенных преобразований и их экономические результаты отражены в материалах, характеризующих состояние промышленности региона к концу 1940-х годов. Согласно архивным данным, в 1948 году значительная часть промышленных предприятий области не только восстановила свою деятельность, но и перевыполняла производственные планы. Так, ряд предприятий республиканского подчинения (включая маслопром, рыбную промышленность, хлебокомбинаты и др.) достигли показателей выполнения плана свыше 100 % и обеспечили значительные объёмы сверхплановых накоплений. Одновременно успешно развивались транспортно-строительные организации, в том числе осуществлявшие строительство железнодорожной магистрали Павлодар – Акмолинск и моста через Иртыш, что имело ключевое значение для дальнейшего индустриального развития региона [ГАПО. Ф.646. Оп. 1. Д. 564. Л. 148–151]. Вместе с тем документ фиксирует и существенные проблемы в работе промышленности, прежде всего в сфере местной и кооперативной экономики. Отмечается низкое качество продукции, несоответствие ассортимента потребностям населения, а также неэффективность управления и ориентация ряда предприятий исключительно на выполнение плановых показателей в валовом выражении. Приведённые данные позволяют сделать вывод о том, что послевоенное развитие Павлодарского Прииртышья характеризовалось сочетанием успешного восстановления и расширения промышленного производства с сохраняющимися структурными дисбалансами. Это свидетельствует о закреплении индустриальной модели развития региона, однако в рамках системы, где приоритет отдавался плановым показателям и мобилизационным задачам, что продолжало оказывать влияние на повседневную жизнь и уровень материального обеспечения населения.

На уровне повседневности послевоенный этап характеризовался сочетанием восстановления и продолжения мобилизационной логики. Население стремилось к стабилизации быта, преодолению материальных трудностей и восстановлению семейной жизни, однако многие черты военного времени – дисциплинарные практики, коллективные формы труда, приоритет государственных задач – сохранялись и в мирных условиях. Это создавало особую форму послевоенной повседневности, в которой восстановление происходило не как возврат к прежнему укладу, а как адаптация к уже сложившейся советской социальной и культурной модели.

В культурном отношении послевоенное время также закрепило результаты предшествующих преобразований. Послевоенный период характеризовался не только закреплением советской культурной модели, но и сохранением, а в отдельных случаях – частичным возрождением традиционных религиозных практик. Это подтверждается архивными материалами, отражающими инициативы населения по восстановлению религиозной инфраструктуры. Так, в заявлении верующих мусульман г. Павлодара, датированном 1946 годом, содержится просьба о передаче здания бывшей Ак-мечети, ранее используемого под партийные нужды, для осуществления религиозной деятельности. В документе указывается, что численность мусульманского населения города составляла около 4000–4500 человек, при этом существующий молитвенный дом вмещал не более 150–200 человек, что свидетельствует о сохраняющемся спросе на религиозные практики. Подчеркивается также, что данная мечеть ранее обслуживала население в радиусе 6–7 км и имела важное значение для локального сообщества [ГАПО. Ф. 646. Оп. 1с. Д. 1. Л. 264, 264 об., 267, 267 об.]. Приведённые данные позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на длительное воздействие антирелигиозной

политики и процессы культурной трансформации, религиозная идентичность продолжала сохраняться на уровне повседневной жизни. Более того, в послевоенный период она начинала проявляться в форме институционализированных запросов, что свидетельствует о сложном и неоднородном характере социокультурных изменений в регионе.

Важным элементом послевоенного закрепления социокультурных трансформаций стало регулирование языковой политики и повседневных коммуникативных практик. Согласно постановлению Павлодарского облисполкома и обкома КП(б)К 1949 года, в учреждениях и организациях области устанавливался порядок ведения делопроизводства на двух государственных языках – русском и казахском, с обязательным использованием обоих языков в официальной документации, деловой переписке, публичных объявлениях и вывесках [ГАПО. Ф. 646. Оп. 2. Д. 27. Л. 18–19]. Документ предписывал не только формальное двуязычие, но и практическое внедрение языковой политики в повседневную жизнь: руководящие работники обязаны были овладеть казахским языком для общения с местным населением, вводились курсы подготовки специалистов (в том числе машинисток), обеспечивалось распространение печатной продукции и деловой документации на казахском языке. Приведённые меры позволяют утверждать, что формирование социокультурного облика региона включало не только экономические и демографические изменения, но и институциональное регулирование языковой среды. В результате происходило формирование двуязычного пространства, в котором язык выступал не только средством коммуникации, но и важным элементом социальной интеграции и культурной политики государства.

Расширение системы образования, укрепление идеологических институтов, дальнейшее развитие клубов, библиотек и других форм культурно-просветительной работы способствовали воспроизводству новых норм, ценностей и моделей идентичности. Традиционные формы социальной и культурной самоорганизации к этому времени уже в значительной степени были вытеснены или трансформированы, а советская идентичность, основанная на идеях коллективизма, труда, дисциплины и государственной лояльности, становилась доминирующей.

Таким образом, военно-мобилизационный и послевоенный этап стал не просто продолжением преобразований 1930-х годов, но и периодом их окончательного закрепления. Война ускорила перестройку социальной структуры, радикально изменила повседневную жизнь и способствовала формированию многоэтничной среды, тогда как послевоенное восстановление институционально и культурно оформило результаты этих процессов. Именно в этот период в Павлодарском Прииртышье окончательно сложился новый социокультурный облик региона, основанный на советской модели общественной организации, изменённой системе социальных ролей, многоэтничности и трансформированных культурных практиках.

Заключение. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что формирование социокультурного облика Павлодарского Прииртышья в 1930–1940-е годы представляло собой сложный и многослойный процесс, обусловленный одновременным воздействием модернизационных инициатив советского государства и сопровождавших их кризисных явлений. Кризисные процессы 1930-х годов, прежде всего коллективизация, массовый голод и репрессии, привели к разрушению традиционного хозяйственного уклада, деформации социальной структуры и разрыву устойчивых форм общественных связей. Эти изменения сопровождались не только демографическими потерями, но и глубокой трансформацией повседневных практик и ценностных ориентиров, что создало предпосылки для формирования новой социальной реальности.

Вслед за этим модернизационные преобразования – индустриализация, развитие инфраструктуры, культурная революция и институционализация советской власти – способствовали формированию новой социальной и культурной модели. Регион был включён в общесоюзное экономическое пространство, возникли новые социальные группы, усилилась роль государства как ключевого регулятора общественной жизни. Однако данные процессы носили противоречивый характер, сочетая элементы развития с ограничениями, связанными с мобилизационным характером управления и недостаточной эффективностью реализации культурной политики на местах.

Военно-мобилизационный период стал фактором, ускорившим и углубившим ранее начатые трансформации. В условиях войны произошла перестройка всех сфер жизни – от структуры занятости до форм повседневного поведения. Эвакуация населения и предприятий, развитие тыловой промышленности, милитаризация городского пространства и депортации народов существенно изменили демографическую и социальную структуру региона, способствовали формированию многоэтничной среды и усложнению социальных отношений. Послевоенный этап выступил фазой

закрепления указанных изменений. Восстановление хозяйства, развитие промышленности, перераспределение территории в интересах государства и дальнейшее укрепление институциональной системы сопровождались сохранением мобилизационных принципов управления. Одновременно происходило формирование новых форм повседневности, характеризующихся сочетанием стабилизации и продолжения дисциплинарных практик военного времени.

Особое значение для формирования социокультурного облика региона имели процессы, связанные с языковой политикой и культурной идентичностью. Введение двуязычного делопроизводства, развитие образовательной системы и распространение советской идеологии способствовали институционализации новой культурной среды. Вместе с тем сохранялись элементы традиционной культуры, в том числе религиозные практики, что свидетельствует о неоднородности и многослойности происходивших изменений.

Социокультурный облик Павлодарского Прииртышья в рассматриваемый период сформировался как результат комплексного взаимодействия кризисных и модернизационных процессов. Он характеризовался разрушением традиционных структур, формированием новой социальной организации, полиэтничностью, институционализацией советской модели и одновременным сохранением отдельных элементов прежней культурной среды.

В целом можно заключить, что трансформация региона носила не линейный, а противоречивый характер: модернизация сопровождалась кризисами, интеграция -социальной дифференциацией, а институциональное укрепление – сохранением альтернативных культурных практик. Именно эта сложная комбинация факторов определила специфику социокультурного развития Павлодарского Прииртышья и заложила основу его дальнейшей исторической эволюции.

Источники

ГАПО – Государственный архив Павлодарской области

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан

Литература

Болтина, 2012 – *Болтина В.Д.* Строкой архивного документа. Павлодар: Типография Сытина, 2012. 768 с.

Болтина, Шевелева, 2014 – *Болтина В.Д., Шевелева Л. В.* 1924–1937 гг. в истории Павлодара. Сборник документов. Павлодар: ЭКО, 2014. 692 с.

Денисова, 2012 – *Денисова Н. И.* Художественная жизнь Павлодарского региона 40-80-х годов XX века: автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. иск. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2012. 34 с.

Забвению не подлежит, 1997 – *Забвению не подлежит* [сост.: Л. В. Шевелева и др. Павлодар: ЭКО, 1997. 260 с.

Кадысова, Азербайев, 2011 – *Кадысова Р. Ж., Азербайев А. Д.* Сельское хозяйство Казахстана в послевоенный период: историография проблемы. Павлодар: Дом печати, 2011. 149 с.

Нурбаев, 2003 – *Нурбаев К.* История города Павлодара (1920–1940): учебное пособие. Павлодар: ПГПИ, 2003. 119 с.

Нурбаев, 2009 – *Нурбаев К. Ж.* История Павлодарского Прииртышья. Павлодар: ПГПИ, 2009. 304 с.

Павлодарское Прииртышье, 2003 – *Павлодарское Прииртышье: Энциклопедия.* / под ред. Е. Арын. Алматы: Эверо, 2003. 675 с.

Соколкин, 2010 – *Соколкин Э. Д.* Воины той великой войны: [об участии павлодарцев в Великой Отечественной войне] // Звезда Прииртышья. 2010. 27 марта.

Хронограф, 2008 – *Хронограф* Павлодарской области, 1938–2008. Павлодар, 2008. 543 с.

Шевченко, 2000 – *Шевченко С. П.* Очерки истории Павлодарского Прииртышья. Ч. 2: XX век. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2000. 240 с.

Sources

GAPO – Gosudarstvennyj arkhiv Pavlodarskoj oblasti [State Archive of the Pavlodar Region]

TsGA RK – Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan]

References

- Boltina, 2012 – *Boltina V.D.* Strokoï arkhivnogo dokumenta [Through the Line of Archival Documents]. Pavlodar: Tipografiya Sytina, 2012. 768 p. [in Russian]
- Boltina, Sheveleva, 2014 – *Boltina V.D., Sheveleva L.V.* 1924–1937 gg. v istorii Pavlodara. Sbornik dokumentov [1924–1937 in the History of Pavlodar. Collection of Documents]. Pavlodar: EKO, 2014. 692 p. [in Russian]
- Denisova, 2012 – *Denisova N.I.* Khudozhestvennaya zhizn Pavlodarskogo regiona 40–80-kh godov XX veka [Artistic Life of the Pavlodar Region in the 1940s–1980s]. Abstract of dis. for dis. Barnaul: Alt. state University, 2012. 34 p. [in Russian]
- Zabveniyu ne podlezhit, 1997 – *Zabveniyu ne podlezhit* [Not Subject to Oblivion] / Compiled by L.V. Sheveleva. Pavlodar: EKO, 1997. 260 p. [in Russian]
- Kadysova, Azerbaev, 2011 – *Kadysova R.Zh., Azerbaev A.D.* Selskoe khozyaistvo Kazakhstana v poslevoennyi period: istoriografiya problemy [Agriculture of Kazakhstan in the Post-War Period: Historiography of the Problem]. Pavlodar: Dom pečati, 2011. 149 p. [in Russian]
- Nurbaev, 2003 – *Nurbaev K.* Istoriya goroda Pavlodara (1920–1940): uchebnoe posobie [History of the City of Pavlodar (1920–1940): study guide]. Pavlodar: PGPI, 2003. 119 p. [in Russian]
- Nurbaev, 2009 – *Nurbaev K.* Istoriya Pavlodarskogo Priirtyshya [History of the Pavlodar Irtysh Region]. Pavlodar: PGPI, 2009. 304 p. [in Russian]
- Pavlodarskoe Priirtyshie, 2003 – *Pavlodarskoe Priirtyshie: Entsiklopediya* [Pavlodar Irtysh Region: Encyclopedia] / Ed. by E. Aryn. Almaty: Evero, 2003. 675 p. [in Russian]
- Sokolkin, 2010 – *Sokolkin E.D.* Voiny toi velikoi voiny: [ob uchastii pavlodartsev v Velikoi Otechestvennoi voine] [Warriors of That Great War: On the Participation of Pavlodar Residents in the Great Patriotic War]. Zvezda Priirtyshya. 2010. March 27. [in Russian]
- Khronograf, 2008 – *Khronograf* Pavlodarskoi oblasti 1938–2008 [Chronograph of Pavlodar Region, 1938–2008]. Pavlodar: EKO, 2008. 132 p. [in Russian]
- Shevchenko, 2000 – *Shevchenko S.P.* Ocherki istorii Pavlodarskogo Priirtyshya. Ch. 2: XX vek [Essays on the History of the Pavlodar Irtysh Region. Part 2: 20th Century]. Pavlodar: EKO, 2000. 240 p. [in Russian].

МАЗМҰНЫ/СОДЕРЖАНИЕ/CONTENT
 ОТАН ТАРИХЫ. 2026. Т. 29. № 2

Мамытова С.Н. ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА ПАВЛОДАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В 1930–1940-Е ГОДЫ.....	429
Ахметжан К.С. ТИПОЛОГИЯ ТРАДИЦИОННЫХ НАВЕРШИЙ КАЗАХСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ И ВОЕННЫХ ЗНАМЕН.....	447
Бабаджанов Б.М., Нурманова А.Ш. «ЖЕЛЕЗНАЯ ПАМЯТЬ» ЗА «ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ»: КАЗАХСКИЕ НАДГРОБИЯ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ КАК МАРКЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ.....	473
Yergali S.A., Kolukisa H., Shaldarbekova A.B. THE INSTITUTION OF «ZHETI ATA» IN KAZAKH SOCIETY AS A MECHANISM OF SOCIAL REGULATION AND KINSHIP ORGANIZATION.....	488
Toraigurov Ye.M. TOPICAL ISSUES OF THE IRTYSH TEN-VERST STRIP IN THE WORKS OF MODERN TIMES.....	502
Абуов Н.А., Картова З.К., Алимжанов А.Х. УСЛОВИЯ ПРЕБЫВАНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ФАШИСТСКОМ ПЛЕНУ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ.....	516
Әуелбеков М.Б., Бахар Х. XII–XV ҒАСЫРЛАРДАҒЫ ОҢТҮСТІК ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ УРБАНИЗАЦИЯ ҮДЕРІСІ ЖӘНЕ ОНЫҢ ТАРИХИ МАҢЫЗЫ.....	533
Черниенко Д.А. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ Х.А. АРГЫНБАЕВА В ПИСЬМАХ ЕГО КОЛЛЕГ-ЭТНОГРАФОВ.....	548
Iskakova G.Z., Assylbekova A.Z. SHAKARIM KUDAIBERDIULY AND KAZAKH NATIONAL MEMORY.....	564
Құндызбай Д.Қ., Кенжебаев Ғ.Қ. ҚАЗАҚТАРДЫҢ ЖЕТІСУ Өңірінен Қытайға босқыншылығы (XX ғ. 30 жж.).....	576
Конкабаева Н.Н., Абдрахманова К.Х. О ТРАКТОВКЕ ЛЕКСЕМ «ТЕНГРИ», «УМАЙ» В КОНТЕКСТЕ ВЕРОВАНИЙ МАМЛЮКОВ-КЫПЧАКОВ В XI–XIV ВЕКАХ.....	590

Сулейменова А.Т. ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ПАРТИЯЛЫҚ БАҚЫЛАУ ОРГАНДАРЫНЫҢ 1920–1930-ЖЫЛДАРДАҒЫ «ПАРТИЯЛЫҚ ТАЗАЛАУЛАР» КЕЗІНДЕГІ ҚЫЗМЕТІ.....	602
Молотова Г.М. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТЮРКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НА ОСНОВЕ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ XII–XIII ВЕКОВ).....	619
Мейрманова Г.А., Бейсегулова А.Қ., Алдекен А.С. ҚАЛЫҢМАЛ – ҚАЗАҚ ҚОҒАМЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК ИНСТИТУТ: ТАРИХЫ МЕН ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫ.....	629
Алимбай Н. ОДЕЖДА КАЗАХОВ-КОЧЕВНИКОВ (XVIII – ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ).....	642
Бахтыбаев М.М., Қожас М.Б., Сиздиков Б.С. ГОРОДИЩЕ СЫГАНАК: ДАТИРОВКА ПАМЯТНИКА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАДИОУГЛЕРОДНОГО АНАЛИЗА.....	695
Шынтаев Н.А., Мусабалина Г.Т., Джолдыбаев Ж.Т. ШЫМКЕНТ ҚАЛАСЫ ТҮРҒЫНДАРЫНЫҢ КҮНДЕЛІКТІ ӨМІРІ: ПОСТКЕҢЕСТІК КЕЗЕҢДЕГІ ӘЛЕУМЕТТІК- ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ӨЗГЕРІСТЕР (1991–2023 ЖЖ).....	713
Шашаева М.А. ЖАЗЫҚСЫЗ ЖАЗАЛАНҒАНДАР: «ОТАН САТҚЫНДАРЫНЫҢ ОТБАСЫ МҮШЕЛЕРІ ТУРАЛЫ» ЗАҢЫНЫҢ ӘЙЕЛДЕР ТАҒДЫРЫНА ТИГІЗГЕН АУЫР ӘСЕРІ.....	724
Шолахов М.Г., Габдусалимова М.Г. АНАЛИЗ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ОБ ЕДИГЕ.....	735
Есен С.Ғ. МӘЛЕНБЕРЛІ ҚОРЫМЫ: ЭТНОАРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУ.....	755
Жетібаев К.М., Қожас М.Б., Әлімбекұлы Ә. ҚҰЙРЫҚТӨБЕ (КЕДЕР) ҚАЛАСЫНЫҢ РАБАД АУМАҒЫНДА ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР.....	764
Муратбаева А.Б. ҚАРАҚАЛПАҚСТАНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ МӘДЕНИ ОРТАЛЫҒЫНЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫ МЕН ҚЫЗМЕТІ: ТАРИХИ-МӘДЕНИ АСПЕКТ.....	777

Оспанова Д.К., Тебаев Д.Б., Мағауянов Д.А. ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ҮКІМЕТТІК ЕМЕС ҰЙЫМДАРДЫҢ 1991–2011 ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ДАМУ ТАРИХЫНЫҢ КЕЙБІР АСПЕКТІЛЕРІ.....	787
Қуанбай О.Б. Мурзаходжаев Қ.М. ЖАПОНИЯ МЕН ҚАЗАҚСТАННЫҢ ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ДАМУ ҮРДІСТЕРІ БАҚ БЕТТЕРІ НЕГІЗІНДЕ (1990–2025).....	805
Алибек С.Н., Қудайбергенова А.И., Тажмуханова Н.Е. РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СТАЛИНА В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И РАСКУЛАЧИВАНИЯ КАК ТРАГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДА ЧИМКЕНТА И ТУРКЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ).....	817
Жүсінов Р.Б., Нұрышева Г.К. 1920–1930 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚОСТАНАЙ ӨңІРІНДЕГІ ДІНИ БІРЛЕСТІКТЕРГЕ ҚАТЫСТЫ КЕҢЕС ӨКІМЕТІНІҢ САЯСАТЫ (АРХИВ ДЕРЕКТЕРІ НЕГІЗІНДЕ).....	833
Қозыбаева М.М., Жалмағамбетов Е.Ә. КЕҢЕСТІК ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚТАРДАН АЙЫРУ ТӘЖІРИБЕСІ: «АЙЫРЫЛҒАНДАР» МЕН «ҚҰҚЫҚСЫЗДАР» КАТЕГОРИЯЛАРЫ.....	851
Хазретәліқызы Р., Тұрсұн Х.М., Сайлаубай Е.Е. МІРӘЛШЕР СЕРАЛИЕВТИҢ ҚОҒАМДЫҚ-САЯСИ ҚЫЗМЕТІ МЕН МҰСТАФА ШОҚАЙМЕН БАЙЛАНЫСЫ АРХИВТІК-ТЕРГЕУ МАТЕРИАЛДАРЫ НЕГІЗІНДЕ.....	866
Калыбекова М.Ч., Чакенова Б.А. КАЗАХИ-ВРАЧИ И ИХ ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНЦЕ XIX И 30-Е ГОДЫ XX ВВ.	878
Рахбаев К.К., Избасарова Г.Б. ҚАЗАҚТЫҢ МЕШІТ САЛУ ДӘСТҮРІНІҢ ШЫҢЫРАУ КӨЗДЕРІ (ОРТАҒАСЫРЛЫҚ МЕШІТТЕРДІҢ ЗЕРТТЕЛУІНЕ ШОЛУ).....	890
Нурпейсова Э.Т., Байдалы Р.Ж. ЕЛДЕС ОМАРОВТЫҢ ӨМІРІ МЕН ҚЫЗМЕТІНЕ ДЕРЕКТАНУЛЫҚ ТАЛДАУ.....	915
Alpysbes M.A., Arkhymatayeva A.Zh., Kara A. THE INFLUENCE OF THE NATIONAL IDEA ‘OYAN, QAZAQ!’ ON THE SOCIO-POLITICAL THOUGHT OF EASTERN COUNTRIES.....	926
Kochiyev E.R., Kabuldinov Z.E., Aydingün A. THEORIES OF DIASPORAL ETHNIC IDENTITY IN CONTEMPORARY WESTERN HISTORIOGRAPHY (2000–2025).....	939

Ш.Ш. Уәлиханов ат. Тарих және этнология институты
Алматы қ., Шевченко көш., 28
Тел/факс: +7 727 261 67 19
e-mail: kazhistory@bk.ru
